

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

Русский язык и историософия России*

Н. В. Кузнецов, А. М. Соколов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Кузнецов Н. В., Соколов А. М.* Русский язык и историософия России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. С. 4–16. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.101>

Статья посвящена проблеме соотношения языка как формы реализации сущности человека, претворяющего неопределенность бытия в упорядоченность мира. Авторы исходят из аксиоматического допущения того, что язык является интегральной деятельностью человеческого сообщества, в словарной и синтаксическо-семантической определенности которого снимаются все противоречия, открывающиеся людям в их совместном многообразном опыте освоения предметного (предпосланного) бытия. Вместе с тем человеческая деятельность представляет собой исполнение свободной претворяющей энергией, активированной элементарным (первично-фундаментальным) актом общения. Благодаря ему преодолевается детерминированность естественной предопределенности человеческого присутствия в бытии, что проявляется в избыточной результативности деятельности людей, открывающей духовный (сверхъестественный) горизонт жизни. Литература понимается авторами как стилизация национального языка, посредством которой определяется содержание национального самосознания, а следовательно, и общая картина мира, создаваемая данным народом. Литература может иметь два уровня осуществления: художественный и теоретический, различающиеся, с одной стороны, способом и степенью обобщения, с другой — формой выражения. Теоретический уровень произведен от художественного, в котором уже обобщен исторический опыт освоения бытия в персонифицированных образах литературных героев, описаниях природы или значимых событий. Особенность русско-российского самосознания, во-первых, состоит в том, что оно находится в стадии перехода от художественного к теоретическому; а во вторых, в том, что оно историософично, т. е. не только удерживает опыт прошлого, но и имеет тенденцию к усмотрению

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда. Грант № 23-28-00880 «Естественно-историческая аксиоматика космологического императива в национальном самосознании России (на материале русской литературы XIX–XX вв)».

смысловой перспективы будущего, связанной с деятельностью многих поколений людей русско-российского мира. Наиболее адекватно данное обстоятельство, по мнению авторов, отражено в социалистическом реализме советской литературы.

Ключевые слова: русский язык, литература, национальное самосознание, критический реализм, социалистический реализм, «общее дело», историософия России.

Любое систематическое учение, будь оно религиозным, философским или научным, является развернутым выражением определенных аксиоматических допущений, которые, в свою очередь, артикулируют интуиции духовного опыта освоения бытия, предпосланного человеческому существованию. Такую систему принято называть мировоззрением. В классическом гуманитарном знании принято условно выделять мифологический, философский, религиозный и научный типы мировоззрения. В настоящем исследовании мы хотели бы обратить особое внимание на артикулированность мировоззренческих систем. Мы хотели бы подчеркнуть их языковую выразительность. Благодаря этой выразительности происходит, с одной стороны, схватывание и удержание в единстве предметного (предпосланного) различия множественности бытия. Вместе с тем, другой стороны, происходит сплочение людей в устойчиво определенные общности, духовным напряжением которых множественность бытийственных различий обращается в единую целостность мира вещей как сущностей, вещающих о своем подлинном содержании.

В слове — элементарном проявлении языка — одновременно рождаются и мир как система вещающих вещей, и человек как активный, вопрошающий субъект, обретающий свою подлинную сущность в акте вопрошания-говорения. Только так субъект как подлежащее, как потенция обретает форму, а стало быть — свою человеческую сущность. С этой точки зрения фундаментальный статус языка по отношению к миру и человеку самоочевиден и не требует доказательств. Говорение-язык — это дело людей в их совместном усилии, преодолевающим природную обособленность, открывающем сверхъестественный, т. е. духовный, уровень бытия — уровень мира. Говорение-язык — это человеческое дело по преимуществу. Во-первых, потому, что язык как способ и результат говорения интегрирует в себе все прочие виды деятельности. Во-вторых, потому что благодаря языку предметная, предпосланная неопределенность бытия становится вещающей действительностью.

Другими словами, любой предмет, который включается в процесс языковой деятельности (говорения), превращается в действительную, действующую вещь, вещающую о своей сущности и тем самым сущностью становящуюся. Любая вещь, как и сам человек, в изначальной фазе своего обособленного предсуществования выступает только как предпосланная, неопределенная потенция. Предмет становится вещью (как и индивид — человеком) только после того, как включается в поле языковой деятельности людей. Это легко увидеть на примере воспитания детей, начиная с первых мгновений их жизни, которые отличаются наивысшей степенью внимания к новорожденному, вслушивания, всматривания в него, взывающих к тому, чтобы он дал о себе знать. Первые ответы ребенка невнятны, но постепенно, по мере его взросления приобретают все более отчетливые формы. Он научается произносить свое имя, называть своей возраст, пол, указывать свою принадлежность к семье, общине. Не случайно почти для всех традиционных обществ был ха-

рактен обряд инициации, фактического признания в человеке его человечности и придания ему его настоящего имени. Воспитание ребенка — это деятельность, направленная на включение его в мир людей, в мир языка, в мир общения, т. е. признания родства со всем, что способно разговаривать.

Овеществление естественного предмета также сопряжено со вниманием, в смысле взыванием к нему со стороны разговаривающих, общающихся между собой, действующих людей. Их совместная деятельность общения по отношению к естественному предмету свершается в его назывании, что можно истолковывать как выявление его имени, в котором отражаются общие свойства с отличными от него, но имеющими общие признаки предметами. Можно сказать, что обобщенные человеком предметы становятся вещами, имеющими одно и то же имя. И так же можно сказать, что поименованные людьми предметы включатся в круг их общения — в действительный мир вещей. Таким образом, мир представляет собой все последовательно расширяющееся взаимодействие общающихся людей и активированных их вниманием вещей. По мере своего расширения такое взаимодействие захватывает в поле действительности все новые и новые предметы, «повествующие» о новых аспектах бытия.

Систематичность знания мифологического, философского, религиозного, научного, конечно же, не носит тождественного характера. Тем не менее то, что любая из этих систем наиболее полное выражение обретает в языковой модальности, делает не только возможным, но и неизбежным их сосуществование с высокой степенью смысловой транзитивности.

Полагая язык в основание мировоззренческой системы, мы не можем не прийти к признанию исключительной роли литературы как всеобщей и совершенной формы выражения языка. Литература кодифицирует язык в тексте. В этом смысле о литературе можно говорить применительно и к мифологическим, и к философским, и к религиозным, и к научным текстам. А из истории мы знаем, как легко стилистика изложения одной мировоззренческой картины может переходить в стилистику изложения другой картины или сочетаться с этой стилистикой. Платоновский диалог, пожалуй, лучшее тому подтверждение. Здесь мифология классическая, связывающая нашу мысль с архаической древностью гомеровской эпохи, переплетается с мифологией теоретической, изобретенной самим философом. И здесь же мы находим классический стиль уже философского изложения, который предвосхищает собой научность аристотелевского стиля. Переход философского мышления, а стало быть, философского стиля изложения в религиозный формат прекрасно представлен в сочинениях авторов поздней античности: Оригена, Тертуллиана, Августина Аврелия.

Рассвет новоевропейской, т. е. классической науки в строгом смысле, можно сказать, начался с появлением нового языка национальной литературы Данте и Петрарки, Рабле и Ронсара, Сервантеса, Шекспира, Гете. И Джамбаттиста Вико в «основаниях новой науки» положил именно национальный язык, выведя на первый план его историчность, придав тем самым фундаментальную значимость человеческой деятельности. Открытие, сделанное Дж. Вико, невозможно переоценить. Неаполитанский мыслитель первым пришел к пониманию языка как интегральной и универсальной деятельности человеческого сообщества. Люди, создавая язык как вещественную (буквально вещающую) данность, порождают себя как нацию (*natio*

от *лат. pater* — рожденный), народ и вместе с собой порождают мир как устроенное бытие. Язык выступает в роли тотального синтезатора, захватывающего энергию всех возможных (потенциальных) видов деятельности людей и актуализирующих каждую из них в системе человеческой действительности. В логике Дж. Вико только таким образом мир и может быть познан, так как он дело человеческого духа. Поэтому для Вико наука — это в первую очередь история, а предметом истории преимущественно является литература. В литературе как завершенной форме языка свершается мир человека.

У каждого народа, т. е. способной в течение длительного исторического времени к воспроизводству общности людей, есть свой язык. Собственно язык выступает универсальной формой осуществления народа. У каждого народа есть свое языковое, словесное наследие. С одной стороны, это наследие обобщенно выражает опыт совместного бытия людей в единстве многих поколений. С другой стороны, благодаря ему оказывается реализуемой необходимостью взаимодействия между людьми в настоящем. Наконец, оно является энергетическим формообразующим источником будущего. Правда, последнее проявление языка присуще далеко не всем общностям людей, условно называемым народом.

С высокой степенью вероятности можно утверждать, что перспектива будущего открывается только той общности людей, которая открывает перед собой цель, превосходящую границы обыденного, границы настоящего, здесь и сейчас. Такую цель можно назвать сверхъестественной, или утопической. Сверхъестественная подлинность цели состоит в том, что она никак не связана природной ограниченностью человека, необходимостью решать задачи физического выживания. Такая цель, напротив, сама связывает и подчиняет себе задачу удовлетворения примитивных потребностей людей. Утопическую подлинность цели составляет то, что ее статус не имеет пространственного определения. Утопия — вне пространства. В известном смысле она — и не во времени, т. е. не в настоящем. Утопия всегда или в будущем, или в прошлом, которое ожидается в будущем. Другими словами, утопичность, или сверхъестественность, цели находится в сфере духа, а не природы. Только так она может существовать во всеобщем *o-so*-знании людьми единой цели. Всеобщее же *o-so*-знание цели предполагает четкую ее артикулированность, что возможно только при высочайшей степени мировоззренческой зрелости народа, его разумности, словесно-понятийно высказывающейся в совершенных формах языковой практики, т. е. в литературе.

По Платону, как известно, разумность — это созерцание идей, или, говоря по-русски, видение цели, целого, стремление к нему и борьба за него. Общение, достигающее настоящего выражения, завершается, в смысле совершается, избыточностью внутреннего содержания, переходящего в модальность исполненности, исполнения в мире и принятие этого содержания миром. Исполнение — это форма человеческого бытийствования (его формальная определенность), выражающая себя в продуктивной, избыточной деятельности. В свою очередь, избыточность исполнения заявляет себя в открытии идей, смыслов, понятий, обобщающих предметную множественность бытия. Ведь одно дело разноликую предметность свести к понятию, скажем, сугубо практическому — «правильный». Другое дело — перейти к понятию «правдивый». И совсем уж другое дело — уловить смысл того, что русским языком обозначается как «правда».

Очевидно, что уровень обобщения в таких понятиях, как «правда» «красота», «добро», «любовь», есть результат духовного, интеллектуально-волевого опыта многих поколений людей — исторического опыта; это свидетельство их творческой самодеятельности, проявляющей их собственный образ как единого народа и того целостного мира, который возникает вместе с ним в том месте, где находит себя народ, связывая себя названием с этим местом.

Историческая перспектива того или иного народа предполагает наличие универсальных констант, имеющих, с одной стороны, строгую смысловую определенность; а с другой — высокую степень ценностной вариативности. Только при этих условиях народ обретает необходимую степень сплоченности, обеспечивающей ему устойчивость настоящего, претворяемого в новаторские модальности будущего. В смысловых константах, базовых понятиях определяется мировоззренческий горизонт народа, целевые установки его деятельности, сам характер, форма деятельности.

Вместе с тем если смысловые константы исчерпывают свой претворяющий потенциал, то народ, их исповедующий, исчезает как исторически значимая общность. Такова была судьба римлян, завершивших античный цикл средиземноморской цивилизации. А перед античным циклом был египетский, которому предшествовал цикл ассиро-вавилонский. Цивилизационные циклы Индии и Китая требуют специального рассмотрения в силу того, что смысловые константы, структурирующие их миропорядок, сохраняют на сегодняшний день необходимый, претворяющий потенциал, развиваемый народами, несмотря смены исторических парадигм. Христианской цивилизации еще только предстоит продемонстрировать свою историческую жизнеспособность.

Справедливости ради нельзя не сказать, что это ей предстоит сделать во второй раз. Впервые христианский мир реформативировался в ходе догматического кризиса, приведшего к последовательному расколу церкви, исчезновению Византии и перерождению Священной римской империи в европейское сообщество национальных государств. Конечно, буржуазную цивилизацию современного Запада нелегко связывать с христианскими ценностями. Тем не менее высшие ее достижения стали возможны именно благодаря не отказу, а переосмыслению идеалов христианства, акцентирующего внимание активной, творческой позиции личности по отношению к себе и к окружающему миру. В данной статье нет места для более подробного рассмотрения этого сюжета, тем более, что ему посвящено неисчислимое количество работ как за рубежом, так и у нас, в том числе и несколько наших публикаций. Мы бы здесь хотели, с одной стороны, зафиксировать очевидное, а именно то, что продуктивный потенциал буржуазного реформативирования христианских идеалов исторически исчерпан. С другой стороны, то, что реализованность и завершенность одной интерпретации христианства совсем не отрицает открытия и осуществления других ее вариантов. И в нашем случае это тем более замечательно, что в русской религиозной интуиции христианства с самого начала улавливалась идея исповеднической исключительности. Вспомним «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского или — знаменитую сентенцию, приписываемую Ивану Грозному: «Наша вера не греческая, но — русская».

Вместе с тем нельзя не признать того, что, несмотря на важную роль интуиции цивилизационной исключительности в русско-российском самосознании, истори-

чески она до сих пор далека от реализации. Нельзя не признать, что, несмотря на колоссальные достижения России, все они были совершены в поле влияния иных цивилизационных парадигм. Беглого взгляда на тысячелетнюю историю нашего отечества достаточно, чтобы выделить в ней три ключевых этапа: византийский, ордынский, западный (англосаксонский, или буржуазный). Замечательно то, что каждый из этих этапов (включая третий, настоящий, который еще далеко не окончен) представлял собой своего рода вызов. Ответом, по крайней мере на первые два из них (византийский и ордынский), были решения сложнейших цивилизационных задач. На византийский вызов Древняя Русь ответила обретением духовной общности, русской церкви, питаемой идеалами православного благочестия. На ордынский вызов разобщенные русские княжества ответили обретением политического единства в форме Московского царства, постигшего принцип освоения расширяющегося пространства.

Замечательно то, что, испытывая сильнейшее воздействие со стороны Византии и Орды, Русь сумела претворить навязываемые ей принципы, подчинение которым положило бы конец ее цивилизационному развитию, в начала, определившие характер становящегося русско-российского мира. Замечательно и то, что результативный ответ на первый вызов послужил основанием для преодоления угрозы, шедшей от ордынского вторжения. Переживание духовного единства, активированного крещением славянских племен, обеспечило успех в деле создания политической системы, крещение способствовало политической устойчивости домонгольской, Киевской Руси и сохраняло именно русское единство во времена ига. Исходя из данного обстоятельства, правомерно сделать допущение, что продуктивное разрешение ордынской проблемы поспособствовало и продолжает способствовать успешному ответу на вызов буржуазного Запада. Другими словами, организация государственного управления многонациональным, многоконфессиональным народом, осваивающим территорию, размеры и богатство которой исторически беспрецедентны, является предпосылкой и надежной гарантией для развития цивилизационной инициативы и ее исторического осуществления.

Вместе с тем развитие собственной инициативы предполагает отчетливое видение целевых ориентиров, определяющих общую стратегию социокультурного строительства, и видение ближайших задач, без решения которых никакое движение вперед невозможно. Цели и задачи должны быть четко артикулированы. Их артикуляция должна достигать той степени внятности, при которой люди могли бы свободно понимать их смысл, постигать их эйдос, восхищающий умы и волю, в едином стремлении решения задач и достижения цели, а стало быть, обретения искомой цивилизационной целостности, самодостаточности. И здесь мы опять возвращаемся к теме языка как выразителя и создателя национального самосознания.

Своеобразная реактивность цивилизационного развития России обусловила, а в известной мере обуславливает и сегодня, тот факт, что на протяжении почти всей ее истории идеалы, принципы социокультурного строительства находились последовательно в притяжении смысловых доминант Византии, Орды, Запада. Не так давно А. С. Панарин писал об этой особенности становления нашего национального самосознания. Правда, размышляя об «изначальной дистанцированности» «эмпирической реальности» Древней Руси от «ортодоксального греко-

православного текста» [1, с. 8] и о «постоянном интегрировании западных идей в свою социокультурную систему» [1, с. 6], он оставляет без внимания ордынское влияние. Однако это не меняет сути проблемы. Фактическое отсутствие текстовых документов совсем не обязательно должно означать отсутствие смыслового контекста, который может быть привнесен и некодифицированным способом. В конце концов, как писал тот же Дж. Вико, первичная смысловая определенность возникает на основании телесных интуиций. В любом случае сомневаться в том, что Орда сыграла свою роль в нашей истории и истории нашего самосознания, вряд ли оправданно, тем более что и язык наш вобрал в себя множество слов, доставшихся нам от татаро-монгольского ига. Мы же здесь хотим просто подобраться к мысли о том, что сегодня русско-российский мир находится в той фазе цивилизационного оформления, которая подразумевает усмотрение, проявление и определение эйдоса его существования. Именно поэтому так остро встает вопрос о самостоятельности нашего языка, благодаря которой только и возможно решение этой проблемы.

Учитывая, что национальное самосознание на протяжении всего своего осуществления выражается в языке, можно утверждать, что язык и есть его феноменальная форма. Ее совершенство определяется самостоятельностью языка и его способностью артикулировать ключевые смысловые константы, умозрительно претворившие опыт прошлого освоения бытия, претворяющие опыт настоящего и целевые ориентиры деятельности носителя этого языка, т. е. народа, который на нем говорит, общается, мыслит, осознает себя в мире. Структурно национальное самосознание проявляется на трех уровнях: хозяйственно-бытовом (обыденном), художественно-литературном, научно-философском (теоретическом). Четкую границу между ними проводить не просто невозможно, но и методологически некорректно. Ведь различаются они только степенью обобщения одного и того же содержания одного и того же течения жизни людей.

Как бы ни был высок уровень теоретической мысли, интуитивно она всегда будет воспринята каждым из тех, чей опыт в той или иной мере в ней схвачен. А литературно-художественное обобщение тем более важно, что оно выполняет посредническую функцию, налаживая живое взаимодействие между всеми слоями народа и обеспечивая целостность национального самосознания. Литературно-художественное обобщение тем более замечательно, что, с одной стороны, являясь в завершающей фазе развития самосознания народа, оно, с другой стороны, как правило, выступает источником и опорой для теоретического осмысления деятельности людей в ее полноте и целостности.

Выше мы уже отмечали принципиальную значимость литературной зрелости национального языка в истории западной цивилизации. Существует огромное количество исследований, повествующих о рождении спекулятивного критицизма из духа французской народной поэтики, стилистически оформленной в творчестве Ронсара и Рабле. То же самое можно сказать о связи шекспировского наследия и английского сенсуализма. Немецкие же философы определенно усматривали свое родство с поэзией Шиллера и Гете. Да и научная мысль Германии, начавшая бурно развиваться в XIX в., подпитывалась творческим энтузиазмом немецких романтиков.

В русской литературе выделяют несколько этапов, справедливо увязывая их с тем или иным историческим периодом. Мы ни в коей мере не хотим умалить

важности древнерусского литературного наследия, принимая в расчет его универсальность, в которой невозможно отделить религиозный, лирический, эпический и историософский контексты. Два «слова» — о «Законе и Благодати» и о «полку Игореве» — лучшие тому подтверждения. Тем не менее, как мы отмечали выше, большая часть истории России разворачивалась под влиянием внешних теоретических и практических доминант, что обуславливало относительную несамостоятельность, зависимость русско-российского самосознания, русского языка, русской мысли. Первым, кто осознал важность стилистической и семантической самостоятельности русского языка, был, конечно, М. В. Ломоносов. Символично то, что сделал это не интеллектуал, наследующий многовековую академическую традицию, а ученый-энтузиаст в первом поколении, наследник языковой традиции простого народа. А удивительно то, что потребовалось менее полувека, чтобы заветы первого российского учены были исполнены.

В одном из воспоминаний о корнуэльских лекциях по русской литературе рассказывается о том, как Владимир Набоков, предваряя свое повествование, предложил слушателям прекрасное наглядно-пояснительное введение в предмет. Погрузив в полную темноту лекционную аудиторию и дождавшись абсолютной тишины, он стал последовательно включать источники света, разной направленности и разной интенсивности освещения. Первым из них была тускляя лампочка, расположенная где-то вдальеке, за спиной лектора. Лампочка тускляя — но это был первый свет, который выхватил все пространство из тьмы, моментально явив присутствующим полноту очертаний окружающего мира. И короткий комментарий: «Это — Пушкин». Набоковская наглядно-экзистенциальная инсталляция в полной мере раскрывает смысл слов Аполлона Григорьева: «Пушкин — это наше все». В пушкинском слове было схвачено, а пушкинским языком выражено все, что составляет содержание русского мира. После него это содержание можно было расширять, углублять, разъяснять, детализировать. Прибавить к нему было больше нечего.

Гений Пушкина в мгновение исторического ока как бы подвел первый и основной итог развития русской культуры. Пушкин вобрал в себя все то, что было до него, и открыл то, куда пойдут язык и мысль после него. Вот как говорил об этом И. С. Тургенев: «Прошедшее жило в нем такую же жизнью, как и настоящее, как и предсознанное им будущее...» [2, с. 282]. Он оказался тем «избранником», «творческой силою» которого «народ достиг» «сознательно-полного, своеобразного выражения своего искусства, своей поэзии», «тем самым заявляя свое окончательное право на собственное место в истории», обретая «свой духовный облик и свой голос», «вступая в братство с другими, признавшими его народами» [2, с. 277–278].

И еще несколько слов, сказанных И. С. Тургеневым на открытии памятника Пушкину, — слов, которые не так часто мы вспоминаем, но которые очень важны в контексте нашего рассуждения: «Искусство, завоевавшее творениями Пушкина право гражданства, несомненность своего существования, язык, им созданный, — стали служить другим началам, столь же необходимым в общественном устройении» [2, с. 285]. Конечно, мы не укажем прямой логической связи между сочинениями Александра Сергеевича и тем, что было сделано русскими учеными, политиками, промышленниками. У кого-то поиски такой связи, наверное, могли бы вызвать ироническую усмешку или даже саркастическую ухмылку. Тем не менее пушкинский слог выявил такую мощь, богатство, красоту русского языка, что лю-

бая иная манера говорить или писать на нем о политике, хозяйстве, праве, истории, искусстве очень скоро стала восприниматься как анахронизм.

Замечательно, наконец, то, что восхищение ума и сердца нашего поэта было непосредственно вызвано гением простой русской крестьянки, которая, несмотря на свою «неграмотность», буквально умудрилась открыть своему воспитаннику десятки сюжетов народных сказок. И нетрудно предположить, что не только «высокий стиль» Державина или Батюшкова и уж тем более — не только изыски французских литераторов, но и живая народная речь простой крепостной сочетались в языке универсального стиля русской культуры.

Итак, в первой трети XIX столетия Пушкин поведал миру о том, что такое «русский дух» в его внутренней, метафизической определенности. Случайно ли то, что примерно в то же время Россия заявляет о себе в мировой политике не как союзник Франции, Англии, Австрии или Пруссии, а как активный, самостоятельный участник исторического процесса? Нам видится это так, что в совершенной оформленности языка проявляется внятная, а потому убедительная выразительность мысли, которая в духовно-метафизическом смысле предстает как национальное самосознание, а в феноменально-практическом смысле — как цивилизационная стратегия. С этой точки зрения интересно сопоставить, с одной стороны, содержание и характер социокультурного строительства в России начиная с середины XIX столетия, а с другой — развитие русской литературы, точнее, развитие ее предметного содержания.

Как известно, в советском литературоведении было принято выделять хронологически следующие один за другим критический и социалистический реализм. Оставляя в стороне прежнее определение данных стилей, можно попытаться воспользоваться самой структурой такого понимания развития русской литературы. В таком случае все, что мы находим в сочинениях Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, отчасти Чехова, будет отнесено именно к критическому реализму, но не в смысле критики несовершенного общественного устройства, а в смысле описательной аналитики внутреннего мира русского человека, его духовного мира. Критический реализм — это своего рода феноменология русского духа. Завершающий этап его внутреннего самопознания, самоопределения. В критическом реализме русской литературы всесторонне и полномасштабно представлены эмоциональная, нравственная, религиозная, мыслительная стороны деятельности и духовенства, и аристократии, и купечества, и крестьянства, и мещан. И среди большого круга авторов, вошедших в русскую литературу как мастера художественного бытописания различных слоев российского общества второй половины XIX в., принято, кроме И.С.Тургенева, выделять С.Т.Аксакова, Н.С.Лескова, А.Мельникова-Печерского, Н.Г.Помяловского, Г.И.Успенского. И все же их сочинения по большому счету были очерками повседневности, олицетворяемой в персонажах, ретроспективой того, что осуществляется здесь и сейчас.

Социалистический реализм тоже может быть истолкован как опыт описания настоящего жизни человека и общества, но не в ретроспективе определенного прошлого или традиции, а в перспективе определяемого будущего. Здесь речь идет о практическом целеполагании будущего, его эйдоса. Речь идет о тотальной актуализации национального духа посредством целеполагающего «общего дела», которым охватывается не только состоявшееся в традиции его содержание, но и — по-

тенциальный образ будущего мироустройства как целокупности овеществленного, вещающего сущего.

Другими словами, социалистический реализм как философия общего дела открывает и охватывает горизонт будущего в структуре процесса социокультурного строительства. Именно это обстоятельство придает ему историософский смысл. Отсюда — неизбежное расширение художественного описания уклада жизни от эпического описания прошлого, переходящего в настоящее, до научно-философского проекта перехода настоящего мироустройства к будущему. Так же как когда-то древнегреческая поэтика гомеровского мифа и эхилловской трагедии предварила переход мышления к диалектике Платона и логике Аристотеля, в наше время реализм современной литературы открывает путь знанию, преобразующему стихию бытия в устроенность мира. Поэтому язык литературы одновременно становится языком философии и науки. Непосредственный опыт переживания бытия, схваченный живым словом народной речи, располагает (чтобы не сказать «понуждает») к совершенному осуществлению всех элементов этого опыта в теории и практике общего дела.

И здесь нельзя снова не вспомнить М. В. Ломоносова, который, по выражению В. И. Вернадского, «став на грани новой русской литературы» [3, с. 314], наполнив ее «естественнонаучными мотивами, мыслями и догадками», создал «русский научный язык... которым мы пишем и мыслим» [4, с. 309], обращаясь и к вопросам естествознания, и языкознания и исторического знания. Не будет большим преувеличением сказать, что во всенаправленности научной деятельности Ломоносова мы обнаруживаем матрицу всей русской науки в ее историософской направленности как общенародного дела, как «россиеведения» (Д. И. Менделеев). Ведь всего через несколько десятилетий после Ломоносова язык исторической драматургии Пушкина свободно обратился в язык научно-исторического повествования. И уже у Льва Толстого художественно-эпический стиль «Войны и мира» органично вобрал в себя подлинно историософскую концепцию¹.

Пожалуй, Толстой вообще положил начало жанру, который можно было бы назвать «эпической историософией». И хотя того же художественного уровня описания и глубины понимания эпохальности событий удалось достигнуть только М. Н. Шолохову в «Тихом Доне», невозможно не видеть значимости роли целого ряда наших авторов и их произведений в создании грандиозной картины судьбы России в годы самых драматичных периодов ее истории. Не составит большого труда выстроить своеобразную художественно-хронологическую ретроспективу русской истории. Но подобная ретроспектива вполне может быть построена и на материале практически любой западной литературы. Нам бы хотелось выделить в русском художественном слове не только его способность к удержанию прошедшего в настоящем, но и его способность открывать в исторических событиях сущностного исполнения жизни своего рода «кайросности» настоящего события, в котором осуществляется прошлое и просматривается будущее.

Если говорить о выдающихся произведениях западной литературы, которые принято относить к эпическому жанру (эпический роман), то нельзя не отметить преобладания в них лирико-драматического элемента. Имеем ли мы дело с пове-

---

¹ Интересно заметить, что в уже упомянутой образной интерпретации истории русской литературы В. В. Набокова Толстой представлен полной иллюминацией окружающего пространства.

ствованием о жизни Жана Вальжана или о судьбе целых семей Форсайтов, Будденброков или Буссарделей, речь всегда в первую очередь идет о психологическом портрете героев, их переживаниях свершающихся в них событий, которые их губят или укрепляют. Здесь история в жизнях героев завершается, свершается подобно тому, как она свершилась в образе прусского монарха, открытого Г. Ф. В. Гегелем.

В русской литературе, во всяком случае в тех произведениях, которые обращают на себя наше внимание, психологический драматизм вписывается в историософскую канву романа. Даже в тех романах, где историософская линия не имеет положительной направленности, она неявно представлена нацеленностью героев осмыслить свою жизнь не только в горизонте настоящего, но и — в исторической перспективе будущего своего отечества. Эта стилистическая тенденция отчетливо просматривается уже в героях Льва Толстого: от Андрея Болконского и Пьера Безухова до Константина Левина. Более определенно она обозначается в Климе Самгине и Юрии Живаго, ищущих себя в непостижимой стихии русской революции.

Наконец, во всем своем ослепляющем «зиянии» эту негативную тенденцию мы наблюдаем в «героях» А. И. Солженицына и «героях» произведений тех авторов, которые составили сомнительную славу советского диссидентства. Для них революция не закончилась ни через сорок, ни через шестьдесят лет после Великого Октября. И та новая жизнь, которая рождалась на руинах бывшей России подвигами и страданиями сплотившегося народа, осталась за пределами их понимания, уменьшенного ложным представлением о собственной значимости и превосходстве. Насколько искусительны были «слова» «правдецов», «мазил», «певцов», настолько же они были неубедительны в отчаянной попытке патологических лишенцев заявить о себе среди вырождающегося номенклатурного официоза. Строго говоря, в этих «словах» литература так же ничтожна, как ничтожно представлены в ней люди, занятые настоящим делом, говорящие на языке живого общения. Язык же этих текстов имеет отношение только к ничтожеству собственного содержания радикально обособившихся от народа и отечества авторов. Закономерен тупиковый финал их деятельности, сформулированный, может быть, в самой ценной фразе Александра Зиновьева: «Мы целились в коммунизм, а попали в Россию».

Только подлинный язык, не из провалов, а — из глубин, рождает настоящую литературу. Подлинный язык России — это не только язык столиц; это еще и язык бескрайней русской глубинки: от Михайловского и Болдино до Бежецка (В. Шишков), Новокусково (Г. Марков) Сросток (В. Шукшин) и т. д. Из глубин необъятного простора русского языка слышится «вечный зов» «братьев и сестер», орошающих кровью и потом «русский чернозем», на котором они возвращают свежие ростки «русского леса», скрепляющего своими корнями крутые берега Угрюм-реки и Амура-батюшки. Русская литература удерживает своим словом перспективу будущего как неотъемлемый элемент настоящего, которое, конечно, несовершенно, в котором горечи порой ничуть не меньше, чем веры и надежды. Но в надежде и вере, в их внепространственной определенности задается будущий мир, которым живут Кузнецовы («Амур-Батюшка», Н. Задорнов), Строговы («Соль земли», Г. Марков), Савельевы («Вечный зов», А. Иванов), Вихровы («Русский лес», Л. Леонов). Их мир реален, а жизнь — реализм, превосходящий в своей интенсивности архический реализм схоластиков, так как жизнь в буквальном смысле овеществляет (реализует,

т. е. открывает, универсальную сущность) предметную преданность бытия целопным усилием всего человеческого рода.

В. В. Зеньковский во введении к «Истории русской философии» отмечал, что «русская мысль сплошь историософична, она постоянно обращена к вопросам о “смысле” истории, конце истории» [5, с. 16]. Точнее было бы сказать применительно к историософии не о «конце истории», а — о ее свершении, реализации ее смысла, открывающегося в опыте «общего дела». В этом отношении вполне можно утверждать, что социалистический реализм как стилизованная мировоззренческая позиция не просто имеет в виду создание образа человека будущего, но свидетельствует об осуществлении самого будущего в соборном духе своих героев, которыми исполняется подлинность человеческого бытия. Поэтому можно сказать, что историософское напряжение социалистического реализма возникает как ответ на метафизическое вопрошание П. Я. Чаадаева о месте России в мировом историческом процессе; причем ответ, в котором вопиющий пессимизм одинокого русского философа преобразуется в свободном творчестве общего дела.

Литература

1. Панарин, А. С. (2002), *Православная цивилизация в глобальном мире*, М.: Алгоритм.
2. Тургенев, И. С. (1976–1979), Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве, в: Тургенев, И. С., *Собрание сочинений: в 12 т.*, т. 12, М.: Художественная литература, с. 277–286.
3. Вернадский, В. И. (2013), Общественное значение ломоносовского дня, в: Вернадский, В. И., *Собрание сочинений: в 24 т.*, т. 11, М.: Наука, с. 308–312.
4. Вернадский, В. И. (2013), Памяти М. В. Ломоносова, в: Вернадский, В. И., *Собрание сочинений: в 24 т.*, т. 11, М.: Наука, с. 314–316.
5. Зеньковский, В. В. (1991), *История русской философии: в 2 т., 4 кн.*, т. 1, Л.: Эго.

Статья поступила в редакцию 1 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 29 ноября 2023 г.

Контактная информация:

Кузнецов Никита Всеволодович — д-р филос. наук, проф.; nikita2554@mail.ru
Соколов Алексей Михайлович — д-р филос. наук, проф.; docentsokolov@yandex.ru

Russian Language and Historiosophy of Russia*

N. V. Kuznetsov, A. M. Sokolov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Kuznetsov N. V., Sokolov A. M. Russian Language and Historiosophy of Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 1, pp. 4–16.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.101> (In Russian)

The article is devoted to the problem of the correlation of language as a form of realization of the essence of a person who transforms the uncertainty of being into the ordering the world. The authors proceed from the axiomatic assumption that language is an integral activity of

---

* The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation. Grant no. 23-28-00880 “Natural historical axiomatics of the cosmological imperative in the national consciousness of Russia (based on the material of Russian literature of the XIX–XX centuries)”.

the human community, in the vocabulary and syntactic-semantic definiteness of which all contradictions that open up to people in their joint diverse experience of mastering the subject (presupposed) existence are removed. At the same time, human activity is the fulfillment of free transforming energy activated by an elementary (primary-fundamental) act of communication. Thanks to it, the determinism of the natural predestination of human presence in the Being is overcome, which manifests itself in the excessive effectiveness of people's activities, opening the spiritual (supernatural) horizon of life. Literature is understood by the authors as a stylization of the national language, through which the content of national identity is determined, and, consequently, the general picture of the world created by a certain people. Literature can have two levels of implementation: artistic and theoretical ones, differing, on the one hand, in the way and degree of generalization, on the other — hand, in the form of expression. The peculiarity of the Russian self-consciousness, firstly, is on the stage of transition from the artistic to the theoretical levels; and, secondly, it is historiosophical, i. e. it not only retains the experience of the past, but also tends to the discretion of semantic perspective of the future associated with the activity of many generations of people of the Russian world. According to the authors, this circumstance is most adequately reflected in the Socialist Realism of Soviet literature.

Keywords: Russian language, literature, national identity, Critical Realism, Socialist Realism, 'common cause', historiosophy of Russia.

References

1. Panarin, A. S. (2002), *Orthodox civilization in the global world*, Moscow: Algoritm Publ. (In Russian)
2. Turgenev, I. S. (1976–1979), Speech on the opening of the monument to Alexander Pushkin in Moscow, in: Turgenev, I. S., *Collected works: in 12 vols*, vol. 12, Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., pp. 277–286. (In Russian)
3. Vernadsky, V. I. (2013), The social significance of the Lomonosov Day, in: Vernadsky, V. I., *Collected works: in 24 vols*, vol. 11, Moscow: Nauka Publ., pp. 308–312. (In Russian)
4. Vernadsky, V. I. (2013), In memory of M. V. Lomonosov, in: Vernadsky, V. I., *Collected works: in 24 vols*, vol. 11, Moscow: Nauka Publ., pp. 314–316. (In Russian)
5. Zenkovsky, V. V. (1991), *History of Russian Philosophy: in 2 vols (4 books)*, vol. 1, Leningrad: Ego Publ. (In Russian)

Received: August 1, 2023

Accepted: November 29, 2023

Authors' information:

Nikita V. Kuznetsov — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; nikita2554@mail.ru

Alexey M. Sokolov — Dr. Sci. in Philosophy, Associate Professor; docentsokolov@yandex.ru